

МИР ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

Ален де Бенуа

пер. с французского А. Игнатьева

Более чем 450 млн. представителей вида *Homo sapiens* проживают сегодня в Европе. Наследники одной и той же культуры, они имеют также общее происхождение. Их предками были индоевропейцы.

Термин «индоевропейский» в строгом значении этого слова принадлежит к области лингвистики, и затем уже к этнологии. Он вошел в обиход в конце XIX века, когда были опубликованы труды Франца Боппа, Александра фон Гумбольдта и Якоба Гримма, посвященные сравнительному изучению основных распространенных в Европе языков (за исключением саамского, финского, венгерского и баскского). Начав с корреляции форм, этот сравнительный метод привел к установлению (посредством серии операций уравнивания, аналогичных вычислению арифметических пропорций) родственной связи, из чего логически следовало общее происхождение. Другими словами, современные «языки-сыновья» Европы имеют одного и того же «языка-отца», а именно индоевропейский язык. Это было важнейшее открытие, объединяющее самое отдаленное прошлое с нашим сегодняшним днём.

Благодаря титаническим усилиям лингвистов удалось по частям и в последовательном порядке реставрировать грамматику, синтаксис и словарный запас индоевропейского. Условно выделяется три периода существования этого языка: протоиндоевропейский, общеиндоевропейский (этап, непосредственно предшествующий первым волнам миграции) и поздний индоевропейский или староиндоевропейский, на котором, можно почти с абсолютной уверенностью сказать, говорили на землях, простирающихся от русских степей на севере Каспия до северо-восточных берегов Балтики.

Кроме обширного перечня исчезнувших на сегодняшний день языков (иллирийский, македонский, хеттский, тохарский, венетский, фрако-дакийский и т.д.), семья языков, происходящих от индоевропейского, включает архаические формы индоарийских языков (санскрит, хинди, пали, древнеперсидский), также как греческий, албанский и всю совокупность славянских, балтских, кельтских, германских и романских языков.

Исследователи не замедлили с тем, чтобы поставить вопрос о происхождении народов, говоривших на этих языках начиная с доисторических времен.

«А стало быть, речь идет, - пишет Бош-Гимпера, - о существовании пранарода (*Urvolk* в терминологии немецких ученых), чью прародину (*Urheimat*) большинство помещают в границах между Азией и Европой, говорившего на изначальном языке (*Ursprache*), из диалектов которого развились исторически известные индоевропейские языки».

Две гипотезы об *Urheimat*

Бесконечные споры, к которым всегда были примешаны политические соображения, шли

по вопросу о происхождении и о родине предков индоевропейцев. Данные лингвистики предлагают самую прочную основу для получения точных сведений.

«Общеиндоевропейский, - замечает вновь Бош-Гимпера, - содержит набор терминов, обозначающих флору, фауну и метеорологические явления, характерные для регионов с умеренным климатом, скорее влажным, чем сухим, и скорее холодным, нежели теплым. Многочисленные индоевропейские языки используют похожие слова для обозначения одних и тех же животных: медведя, волка, бобра, белки, и тех же самых деревьев: березы, бука, ивы, и другие общие наименования: мед, холод, лед и снег. Все это, без сомнения, указывает нам, что на индоевропейских диалектах до начала их рассеяния говорили люди, жившие в лесистой области с умеренным и континентальным климатом».

Гипотезу об «азиатском» происхождении индоевропейцев, выдвинутую в 1888 году Максом Мюллером и затем поддержанную Арбуа де Жюбенвилем, С. Ф. Кэри и Вильямом Рипли, в настоящее время не поддерживает ни один из серьезных исследователей, разделяющихся на две школы.

Нордическая, или германская гипотеза происхождения индоевропейцев основывается на характерных соматических чертах, приписываемых древними текстами индоевропейским народам. Эти черты (русые волосы, голубые или светлые глаза, высокий рост, тонкие губы, вытянутый подбородок и т. д.) присущи нордическим субрасам, сформировавшимся на основе кроманьонского субстрата на территории между реками, впадающими в Северное и Балтийское моря. В 1878 году Теодор Пёше поместил *Urheimat* в современной Литве. На самом деле, возможно, именно литовский является самым близким к общеиндоевропейскому живым индоевропейским языком. К антропологическим элементам добавились лингвистические и археологические, Карл Пенка (*Die Herkunft der Arier*, 1886) поместил место появления индоевропейцев на север Германии и южную Скандинавию. Его гипотеза получила законченный вид в трудах Исаака Тайлора (1888) и Германа Хирта (*Die Urheimat der Indogermanen*, 1892). В 1902 году Густав Коссинна, основатель журнала «*Mannus*», предположил, что прародина находилась в центральной Германии. Ценность нордическо-германской гипотезы будет признана Харольдом Бердером, Хансом Зегером, Шахермайером, Густавом Некелем, Эрнстом Майером, Юлиусом Покорни (великим реставратором кельтского праязыка и т. д.). Также недавно она вновь была поднята на щит Николасом Лаховари, Паулем Тиме и выдающимся санскритологом Рам Чандра Джамом (*The most ancient Aryan Society*, 1974).

Вторая и наиболее подкреплённая археологическими данными гипотеза это гипотеза об «*Urheimat*», расположенной в южной России. Впервые ее изложил Отто Шрадер в 1890 году, а за ним последовали В. Гордон Чайльд (*The Aryans*, 1926), Вальтер Шульц (1955), Р. А. Гроссланд (1957) и, прежде всего, выдающийся испанский историк первобытности Педро Бош-Гимпера, который в 1961 году написал: «Этническая смесь, которая в будущем даст рождение индоевропейским народам, дает о себе знать уже в эпоху раннего неолита. Индоевропейцы это народ, появившийся в неолите, и его первые артефакты, засвидетельствованные археологами, датируются приблизительно V тыс. до н. э. и являются строго неолитическими. Эта роль принадлежит, кажется, определенным этническим группам, жившим на юге современной России» (*Los Indoeuropeos*, 1961).

Идею южнорусского местонахождения прародины в особенности защищала археолог Мария Гимбутас в своих основных работах, публиковавшихся с 1954 года. По мнению

Гимбутас, кочевые народы культуры курганов («курганы» были первым известным типом погребального холма), которые начиная с IV тыс. до н. э. проникают в бассейн Дуная с востока, давая рождение балканской староиндоевропейской культуре, первой, которая развивается независимо как от неолитических культур Западной Европы, так и от культур Месопотамии (протошумерских) и средиземноморского бассейна, были индоевропейскими. Культура курганов была по своей природе индоевропейской, и ее представителей следует считать первыми индоевропейцами.

Две этих гипотезы не являются несовместимыми. Один автор, Вард Гуденау (*Pastoralism and Indo-European Origins*, 1970), предложил считать племена курганов простой скотоводческой волной миграции индоевропейской культуры, якобы получившей развитие в Северной Европе; возможно, часть этих племен, уничтожив палеолитическую европейскую культуру, продвинулись на юг («племена боевых топоров» или «*Streitaxvoelker*»), сначала распространяя техники шлифовки камня и затем металлургию бронзы. Возможно, именно от этих племен произошли хетты и микенские греки. Элементы этой культуры сохранялись в Центральной Европе до образования популяций дальней диаспоры. Эта теория, очень убедительная для Адриано Ромуальди, выглядит логичной и для Ханса Краэ, который в сфере лингвистики проводит различие между староиндоевропейским языком («*Alterindoeuropaisch*» - не путать со «староевропейскими племенами» (палеолитическими или неолитическими, не принадлежавшими к индоевропейцам, такими как лигуры), о которых говорит Мария Гимбутас) и собственно индоевропейским языком. Также эта теория пользуется благосклонностью Джеймса Мэплори, автора одного из самых недавних очерков, посвященных данному вопросу (*A short history of the Indo-European Problem*, 1974).

Прародина могла, возможно, в таком случае располагаться на территории между Эльбой и Вислой, на севере доходившей до Ютландского полуострова, а на юге - до Карпатских гор.

Социальная структура

Хотя их существование «засвидетельствовано исторически» касаясь II тыс. до н. э., индоевропейцы уже имели за своими плечами долгую историю. «Археология отсылает нас к началу неолита, - уточняет Бош-Гимпера, - корни же этой этнической общности должны уходить в мезолит».

«К III тыс. до н. э. - подчеркивает Гайпель, - скандинавские ледники окончательно отступили на север. Британские острова отделились от континента. Пролив связал Балтийское море с Северным. Тундра превратилась в хвойные леса. В Европе воцарился умеренный климат».

Начиная с позднего неолита группы индоевропейцев уже вели полукочевой образ жизни. Мужчины занимались скотоводством, а женщины и дети - примитивным земледелием. Этот новый тип хозяйства приходит на смену другому образу жизни: образу жизни охотников на крупную дичь, кочевавшим по обширнейшим территориям и образовавшим возрастные группы. Результатом стал демографический взрыв, который в скором будущем целиком изменил общественную жизнь.

Это было время, когда генос или большие семьи экзогамного типа - термин, берущий начало от индоевропейского корня eg-, обозначающего «Я», «сам», ср. лат. ego, - начали объединяться между собой, чтобы сохранить вместе наследственное имущество и воспрепятствовать рассеиванию молодых и здоровых мужчин. Каждый генос в ту пору устанавливал и укреплял экзогамные предписания и патрилокальную организацию, объединяясь в племена с другими генос через союзы, скрепленные браками в соответствии с относительно жесткой структурой на основе взаимных обязательств по оказанию помощи. Объединяя только свободных мужчин, «благо-

родных» («местных» - «in genos»), генос превратились в кровнородственную общину. Как таковая, она отмывается от хозяйственной общины, домос - от индоевропейского корня dms, которая представляла собой объединение, образованное генос и новым классом людей, лишенных собственности - рабами и свободными слугами. На более высоком уровне подобное различие устанавливается между венос (корень ewq, со значением «мы», ср. английское «we», немецкое «wir») или общиной, возникшей на основе объединения нескольких генос, и соответственно хозяйственной общиной, вейкос (ср. латинское «vicus», испанское «villa»).

В конце концов, более сложные социальные структуры (города-государства, царства и т. д.) возникали на той же самой основе, «народ» таким же образом определялся как распространение «мы», как совокупность мужчин и женщин, объединенных союзами друг с другом. Представление об «этноте» (индоевропейское sw-edh-nos) прямо происходит от swe, то есть от кровнородственной общины, сохраняющейся через брачный обмен в рамках венос.

В своей основе социальная система являлась патриархальной. Генос определяется через отождествление с «отцовском Я», представляющим род, который возводился к Deiwos Pitar, «небесному отцу», то есть к высшему божеству. Если в некоторых первобытных земледельческих обществах ритуальная смерть («смерть отца» в учении Фрейда) символизирует отмену патрилинейности и устанавливает ценность только происхождения по матери, у индоевропейцев «роды у отца» при закреплении родства символизируются ритуалом «покрытия». Отец символически порождает и признает сына, пронося его над (то есть «между») ногами, имитируя роды. В общеиндоевропейском словаре мать (слово «mater» прочно связано с «материальным» началом) это «та, которая приносит в мир». Только отец «порождает», то есть «вводит в утробу» генос. «Порождать» и «генос» содержат одинаковый корень (gen-).

Выборный правитель

Там, где благодаря обстоятельствам генос стали нуждаться в общей власти, и она с неизбежностью выпадала на долю одного из патриархов, одного из вождей генос, избираемого по общему согласию. «Царь для своих подданных это все равно, что отец для своих детей» (Аристотель). Царь (корень geg- со значением «возвышенный», ср. латинское «rex», кельтское «rix», санскритское «гаја») избирается ему «равными». В определенную историческую эпоху это делегирование власти из временного стало превращаться в постоянное, а затем стало наследственной монархией. Вначале царь находился под контролем патриархов, объединяющихся в совет знати или собрание, похожее на «сабху» у индоариев, «герусию» у эллинов, римский «сенат», германский «тинг», кельтский

«альтинг» и т. д. Царь избирался равными ему, которым он был подчинен, и одновременно с этим он правил во имя *Deiŵos Pitar*, Небесного отца (греческое «*Zeus Pater*» (произносится «*Tseus Pater*»), латинское «*Deus Iovis Pater*», позднее «*Jupiter*»). Итак, первоначальной формой правления у индоевропейцев было нечто вроде аристократии, при которой монарх выполняет двойную функцию - религиозную и политическую, и эти функции были неотделимы друг от друга. Любое индоевропейское общество представляет собой расширенную форму генос, где социальные связи обеспечиваются проекцией этой первоначальной структуры на религиозную и политическую суперструктуру. Эти сферы невозможно отделить друг от друга, поскольку у индоевропейцев общество богов является отображением общества людей. Гражданский культ точно таким же образом представляет собой расширенную форму домашнего культа, за отправление которого отвечает отец семейства.

Пастухи, земледельцы и воины, индоевропейцы занимались гончарным ремеслом и были знакомы с металлургией. «Данные археологии свидетельствуют, что они одомашнили собаку, были первыми, кто сел на лошадь и использовали волов как тяговых животных», - пишет Бош-Гимпера. Стада являлись у них символом процветания. Индоевропейский термин *реку* одновременно обозначает личную собственность (ср. латинское «*rescupia*», французское «*rescule*» и скот (ср. латинское «*rescus*», санскритское «*rasu*», готское «*fehu*»).

Мировоззрение

В трудах индоевропейцев, особенно Жоржа Дюмезиля, было показано существование, даже до начала первых волн миграции, общей индоевропейской «идеологии», особой духовной структуры, образуемой единым мировоззрением, которое находит свое проявление в особых представлениях о религиозной практике, обществе, власти, отношениях между людьми и между людьми и богами в общей теологии, отпадении культа, поэзии и эпической литературе. Эта «идеология», - пишет Дюмезиль, - является продуктом творчества мыслителей, чьими наследниками были брахманы у индоариев, кельтские друиды и жреческие религиозные коллегии в Древнем Риме» («Трёхсоставная идеология индоевропейцев», 1958).

В сфере поэзии, в работах Антуана Мелье и Романа Якобсона, к которым добавились позже труды Кальверта Уоткинса и Дональда Варда, были показаны структурные аналогии между греческой, ведийской, славянской и ирландской литературой, которые могут объяснены только общим наследием и которые предполагают существование в первых индоевропейских обществах сословия «певцов-поэтов», подобного ирландским *ollaves* или скальдам древней Скандинавии.

Что касается индоевропейского общества, то Дональд Вард (*On the poets and poetry of Indo-Europeans*, 1973) вновь заговорил о плодотворной идеи деления, введенного Маргарет Мид (*Cooperation and competition among primitive people*, 1937) на «*shame cultures*» или «культуры стыда» и «*guilt cultures*» или «культуры вины». В «*shame cultures*» основополагающим этическим представлениям является представление о чести, о способности смотреть опасности в лицо. Эта этика чести подразумевает прямую связь с социокультурной средой. Вызывающий презрение поступок лишает имя чести и, как следствие, ложится на предков и потомков. В «*guilt cultures*» проступок объективируется третьим высшим, который интериоризирует и делает индивидуальным наказание.

Установленные через откровение догмы определяют мораль греха. Согласно Варду, представления о «стыде», общее для греков, латинов, кельтов и германцев, является типично индоевропейским, в противоположность представлению о «грехе», присущему великим универалистским метафизическим системам семитского и авраамического происхождения.